сти в заметках супругов Ремизовых. Оценивая литераторов старшего поколения, Ремизовы зачастую очень резко характеризовали их недостатки. На этом фоне ярко выделяются комплиментарные оценки тех писателей, характеры которых не переменились с наступлением зрелости.

К проблеме зрелости в творчестве тверского писателя обратилась П. С. Громова (Тверь). Доклад «Возрастная проблематика в малой прозе В. В. Годовицына» был основан на материале произведений, включенных в сборник «Рассказы разных лет» (2016), в котором возрастная проблематика является основной. Мотивы личностной и духовной зрелости связаны у Годовицына с актуальными вопросами русской культуры и исторического наследия.

Заключительное заседание второго конференционного дня открыли совместным исследованием под названием «Зрелость как художественно-этическая категория в „Слове о полку Игореве“» А. О. Шелемова (Москва) и Ван Юй (Китай). По мнению авторов доклада, отношения «сюзерен–вассал» — отношения зрелого и незрелого правителя, поскольку, с точки зрения автора «Слова», верховный владыка должен быть зрелым, чтобы руководить государством.

Развитием темы поэтического памятника стало выступление О. И. Федотова (Москва) «Exegi monumentum: Мотив поэтической статуи в творчестве Иосифа Бродского». Памятник у поэта выступает в качестве «аттестата зрелости» и представляет собой гибрид античной статуи и образа лирического героя. И. Бродский воздвигал себе подобные вербальные памятники с 22 лет — и до самой смерти. По мысли автора, лирический герой не имеет права на жизнь, в статую может превратиться и превращается лишь молодой, но «старый» — это уже статуя. Окаменевая, лирический герой теряет жизнеспособность, живет только в творчестве. Исследователь акцентировал внимание на том, что зрелость у Бродского — это неподвижность, а незрелый лирический герой подчиняется сюжетной динамике и попросту не может быть статичным.

Заключительные доклады вечернего заседания 12 апреля образовали своего рода диптих: они были посвящены возрасту автора и персонажа в романах И. А. Гончарова. «Возраст автора и возраст персонажей (И. А. Гончаров и его героини)» рассмотрела С. А. Васильева (Тверь) на примере героинь Ольги Ильинской («Обломов») и Веры («Обрыв»). Ольга и Вера вначале предстают в образах незрелых, недоразвитых «детей» в глазах окружающих, но их взросление происходит в период влюбленности, когда они и превращается во взрослых женщин. Духовная зрелость, по мысли Гончарова, оказалась связана не с количеством прожитых лет, а только с переживанием любовного опыта. Данную тему в докладе «Возраст автора и возраст персонажей (И. А. Гончаров и его герои)» продолжил С. В. Денисенко (Санкт-Петербург). Он показал, что не только взросление, но и старение героев описывается Гончаровым как нечто инфантильное и незрелое. На примере трех романов докладчик показал незрелость героев в «зрелом возрасте».

Конференция завершилась подведением итогов. Организаторы и участники выразили убеждение в том, что исследовательская работа, посвященная рассмотрению категории времени в литературе в различных ее аспектах, несомненно, требует продолжения; особое внимание привлекли экономические и социальные критерии зрелости в литературе и искусстве. Изучение репрезентаций индивидуального времени в литературе будет продолжено.

© *А. А. Елкина*

DOI: 10.31860/0131-6095-2019-4-

ШЕСТАЯ АПРЕЛЬСКАЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВСЕ ОБМАНЫ МИРА: ЛОЖЬ В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ»

25–26 апреля 2019 года в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН состоялась междисциплинарная научная конференция, проходящая в рамках проекта «Неканоническая эстетика», который посвящен исследованию неклассических эстетических категорий.[8] На этот раз участники обратились к понятию «обмана» и рассмотрели способы его презентации в различных видах искусства.

Организаторами конференции традиционно выступили сотрудники ИРЛИ, Псковского

[8] Проект начался в 2014 году. Сборники конференций «Неканонической эстетики» (вып. 1–5) размещены на сайте Пушкинского Дома. См.: http://www.pushkinskijdom.ru/ → Электронная библиотека → Сериальные издания → Неканоническая эстетика.

государственного университета и Тверского государственного университета: С. В. Денисенко, А. О. Дёмин, И. В. Мотеюнайте, А. Ю. Сорочан.

В культуре Нового времени не раз задавались вопросом об эстетизации «поддельного» и «иллюзорного», «фальшивого» и «выдуманного», «обмана» и «лжи». Оргкомитет предложил рассмотреть следующие темы: концепции лжи / обмана / иллюзии в литературе и искусстве; эволюция восприятия лжи в древнем и новом искусстве; способы и приемы моделирования, описания и оценки «лжи» в литературе и искусстве (сюжеты, образы, мотивы); «ложное» и «фальшивое» в текстах культуры; историко-культурные контексты «лжи»; ложь в социальных системах; прагматика обмана в знаковых системах.

Пленарное заседание открылось докладом А. Ю. Сорочана (Тверь) «Ложь и мимесис: три эпизода из исторической поэтики», который подчеркнул, что мимесис актуален для классической эстетики, но в XX веке появляется интерес к миметическому кризису модернизма, который стал основой жизнетворчества. В эпоху постмодерна можно говорить об отказе от мимесиса, изобразительности — «непоказывание» и «не-обнаружение» выражают стремление искусства «представить непредставимое». Исследователь сосредоточился на трех текстах Р. Л. Стивенсона, которые входят в «литературный канон»: «Остров сокровищ», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Новые арабские ночи» и показал, как ложь рассказчика (классический мимесис) сменяет ложь автора (модернизм), а далее настает очередь лжи литературы. Но если ложь рассказчика вызывает улыбку, ложь автора вызывает страх, то ложь литературы после всех потрясений рождает надежду на спасение.

В докладе О. Е. Фроловой (Москва) «О прагматике лжи» рассматривалось так называемое иллокутивное самоубийство (термин З. Вендлера), когда не всякое речевое действие может быть выражено глагольным предикатом, т. е. таким употреблением глагола *врать*, который делает невозможным последующую ложь. Конструкции с глаголом *врать* в первом лице единственного числа анализировались на материале Национального корпуса русского языка. Анализ показал, что конструкция *я вру* описывает только один неконфликтогенный случай самоисправления, — большинство употреблений, напротив, показывают конфликт между говорящим и адресатом (внешний) или конфликт говорящего с самим собой (внутренний).

Н. Ю. Грякалова (Санкт-Петербург) в докладе «Факт и фикция: стратегии манипуляции с реальностью в мемуарном жанре (на примере очерка Г. В. Иванова «Блок»)» продемонстрировала, как соотносятся факт и фикция в нарративе, казалось бы, принципиально ориентированном на документальность. Также было показано, как доминирующая фикциональность превращает мемуарные очерки Г. Иванова в квазимемуарное повествование. Параллельно была проанализирована авторская установка на тематизацию проблемы условности искусства и его иллюзивной природы, т. е. искусства как симулякра. Признание симулятивного характера литературы sui generis вводит в поле актуального осмысления проблематику соотношения факта и фикции и расширяет прерогативы последней на фоне очередного подрыва доверия к возможностям адекватного воплощения действительности средствами искусства.

В сообщении Е. Е. Полоцкой (Екатеринбург) «Советский культурный герой П. И. Чайковский» прослеживались процессы мифологизации фигуры композитора в сталинскую эпоху, обусловленные государственным социальным заказом в области советской культуры. Были приведены примеры ряда фальсификаций, охватывающих музыку Чайковского, и представлены наиболее показательные «вмешательства» извне в музыкальный текст некоторых сочинений. Констатировался факт издания ряда произведений в искаженном виде в советском Полном собрании сочинений П. И. Чайковского. «Монументализация» композитора как культурного героя советской эпохи была описана в контексте празднования столетия со дня его рождения (1940), когда был «узаконен» стандартный набор сочинений Чайковского, и окончательно утвердился взгляд на композитора как на «всенародного гения».

Второе заседание открылось докладом А. И. Резниченко (Москва) «Пространство лжи — или „отечество иллюзий“: онтологический статус лжи / иллюзии / деформации в русской философской традиции», в котором описывалось положение дел в в этой области: все рассуждают об истине (или даже Истине, надиндивидуальной, всемирной), и никто — о лжи. Исследовательницей были проанализированы позиции трех мыслителей: П. А. Флоренского, С. Н. Булгакова, С. Н. Дурылина. У каждого из них есть своя онтология ада и пространство лжи, вторгающейся в пространство истины и приводящей к искажениям и иллюзиям; у каждого из них ложь говорит с нами на своем языке.

И. В. Мотеюнайте (Псков) в докладе «“Ложь“ литературной критики и „правда“ истории литературы (наблюдения над работой С. Н. Дурылина)» рассмотрела разные формы говорения о литературе в наследии С. Н. Дурылина 1920–1940-х годов. Оставаясь верен своим представлениям о назначении искусства, сформированным в 1910-е годы, Дурылин впоследствии искал способы их трансляции, и «правда» и «ложь» оказались связанными с возможными дискурсами о литературе. Докладчица показала, что наиболее свободными от «лжи» оказались критические отклики и исследования позитивистского характера. В научных же статьях 1930–1940-х годов, в которых заметна биографическая заинтересованность в публикации, авторская «правда» и идеологическая «ложь» сочетаются по-раз-

ному и едва ли не в равной степени противостоят истине, как ее понимал Дурылин.

В докладе Э. Тышковской-Каспшак (Польша) «Ложь как товар — оправдание и отрицание (на материале произведений «Толмач» М. Гиголашвили и «Венерин волос» М. Шишкина) был представлен способ изображения и оценки лжи в двух романах современных российских писателей. В этих произведениях главный герой — переводчик, работающий в миграционном бюро и переводящий истории, рассказанные беженцами из стран бывшего СССР. В их рассказах преобладает ложь, она становится товаром, которым беженцы расплачиваются с чиновниками за возможность остаться в избранной стране (рае). Если рассказчик Гиголашвили пишет об ищущих себе другого места в мире с явной насмешкой, даже сарказмом, и отрицает ложь как способ изменить свою жизнь, то герой Шишкина относится к ним с сочувствием и оправдывает обман, так как понимает, что вранье отдельных беженцев по большому счету является правдой об их родине.

Сообщение В. Н. Шувалова (Тверь) было посвящено понятию «ложь во благо» и его интерпретациям в современной православной публицистике. Обращаясь к высказываниям православных авторов, докладчик выделил три типа «благой лжи»: ложь как оправдание себя, но не сокрытие совершенных преступлений; ложь как спасение ближних, но не клевета и злословие других; ложь как надежда — умалчивание или утаивание горькой правды. Эти три типа, по мнению священника В. Н. Шувалова соотносятся с христианской традицией различения лжи: по отношению к себе (самообмана), по отношению к окружающим (клеветы, навета, осуждения) и как выбора меньшего из больших зол (умолчание).

Третье заседание было посвящено зрелищной культуре. А. Ф. Некрылова (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Веселые обманки русской ярмарочно-площадной культуры» о смеховом аспекте ярмарочных развлечений, основанных на обмане зрительских ожиданий: несовпадение рекламы балаганных представлений с содержанием того, что реально преподносилось публике; обещание определенных сюжетов в раешной панораме и комическое обыгрывание изображений, действительно имеющихся на ленте панорамы; популярность картинок-обманок и тому подобные «завлекательные» уловки и приемы увеселителей. Речь шла также и об отношении публики к подобным развлечениям, о готовности и желании быть обманутым, при обязательной установке на неожиданность, остроумие, веселое праздничное настроение.

С. В. Фролов (Санкт-Петербург) в докладе «О „лжи“ в русской классической музыке» остановился на трех аспектах данной темы и подтвердил их примерами. Во-первых, это суждения музыкантов о «лжи» и об ее антиподе — «правде» в музыке. Во-вторых, докладчик рассмотрел «ложь», как художественно-выразительный прием повышенной выразительности (в операх М. И. Глинки, М. П. Мусоргского, П. И. Чайковского). В-третьих, было сказано о «лжи», как о способе средствами музыкальной технологии выразить свое отношение к социальной или идеологической ситуации, в которой оказался композитор (С. С. Прокофьев в «Здравице» (1939), Д. Д. Шостакович в «Увертюре на русские и киргизские народные темы» (1963)).

С. В. Денисенко (Санкт-Петербург) свое сообщение «Барон Мюнхгаузен на русской сцене: „Красный кабачок“ Ю. Беляева — Вс. Мейерхольда — А. Головина — М. Кузмина (1911)» построил на материалах к этому спектаклю, хранящихся в архивах ИРЛИ и Санкт-Петербургской государственной Театральной библиотеке. Знаменитый барон в спектакле впервые в России предстает не вруном и обманщиком, а балагуром и весельчаком, воспевающим «прекрасную фрау Ложь». Во время доклада прозвучала музыка М. Кузмина к спектаклю в исполнении А. Калинина.

В начале четвертого заседания прозвучал доклад Е. Ю. Калининой (Санкт-Петербург) «Самообман как фактор формирования правосознания на примере романа М. де Сервантеса „Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский“», в котором была предпринята попытка диагностики поведения и мироощущения персонажа с точки зрения юридической психологии.

В докладе А. М. Грачевой (Санкт-Петербург) «Литературные мистификации Алексея Ремизова 1940-х годов» кратко проанализированы истоки и этапы проявления базового свойства личности писателя, которое он определял как «веселость духа». Основное внимание уделено анализу его мистификаций середины 1940-х годов. В условиях тяжелой послевоенной жизни Франции Ремизов в устной и письменной формах разыгрывал своих коллег-писателей Б. Г. Пантелеймонова, Ю. П. Одарченко, С. К. Маковского, хоть ненадолго давая им надежду на воплощение их мечтаний о новых издательствах, о получении полномасштабных критических и читательских откликов на вновь созданные произведения.

Т. В. Левицкая (Москва) в докладе «“Перемена участи“: биография Н. А. Лухмановой и автомиф в ее творчестве» коснулась основных этапов биографии писательницы. Автобиографическая повесть «Двадцать лет назад», роман «Институтка» (в котором в художественной форме описан собственный опыт неудачного брака), «Очерки из жизни в Сибири», публицистические работы и многочисленные рассказы являются попыткой изжить нанесенную ей травму и создать альтернативную историю собственной судьбы. В результате, литературная маска настолько приросла к лицу писательницы, что в восприятии современников не проводилось никакого разделения между ее личным опытом и его художественным воплощением.

Завершила заседания первого дня конференции Н. Л. Дмитриева (Санкт-Петербург)

докладом «История любви, обмана и самообмана в романе Марселя Паньоля „Вода холмов“». Интрига этого романа (1962) основана на обмане, но если проследить движение сюжета, можно отметить целую череду обманов, менее значительных, но важных для развития фабулы.

Второй день конференции и пятое заседание открылись докладом А. В. Верле (Псков) «Из Самарканда через Самарру в страну Луз». Доклад был посвящен истории и толкованию фольклорно-литературного сюжета о попытке бегства героя от смерти, которая приводит в предназначенное место смерти. Сюжет в форме притчи восходит к еврейским и арабским источникам и претерпел ряд симптоматических трансформаций в новую и новейшую эпохи. В докладе он рассматривался в контексте идей Жана Бодрийяра о «стратегиях видимостей», о соблазнительности знака, ложное толкование которого приводит к его истинному значению. Ложь, таким образом, может быть тематизирована не только как стратегия поведения, но и как обман истолкования.

А. А. Липинская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «“Привидение? Нет ничего проще!“ Пародийная готика раннего А. Конан Дойла». В наследии писателя видное место занимают готические мотивы. Их роль и особенности существенно меняются со временем, отражая не только индивидуальную эволюцию автора, но и историческую трансформацию жанра. В этом смысле чрезвычайно показательна новелла «Привидение на выбор» («Selecting a Ghost», 1883), в которой использованы игра с готическими тропами, мотив искусной лжи и др. В результате получился весьма своеобразный текст, пародирующий не только сам жанр «ghost story», но и модные увлечения современников автора, дающий интересный материал для понимания того, как воспринимались некоторые устоявшиеся формулы литературной готики в конце XIX века.

Доклад «“Ложное“ vs „правильное“: поэзия в защиту человека («Ложный трактат об эстетике» Б. Фондана)» прочитала И. Б. Сазеева (Мытищи). Фондан выступает оппонентом Р. Кайуа, считавшего, что поэзия не должна отклоняться от научной картины мира и подчиняться идеологии, а также П. Валери, выступавшего с позиций неосимволизма за «чистое Я», очищенное от всех «неправильностей», и за автономию духа.

Л. А. Борботько (Москва) представила доклад «У обмана глаза велики: референтность и автореферентность дискурса лжи». Для современного человека сознательно организованная ложь становится социальной нормой, заполняя личную и общественную жизнь. Докладчица сопоставила книжную и театральную версии произведения М. Хэддона «Загадочное ночное убийство собаки»; в фокусе внимания докладчицы оказалась ключевая особенность искусства, которая обнаруживает непосредственную связь с вопросом дуалистичности структуры личности и мира.

Заседание шестое открылось докладом А. А. Никодимовой (Тверь) «Сказка — ложь? Модусы обмана в сказке 1830–1840-х годов», в котором шла речь о границе между ложью и вымыслом в литературных текстах. Докладчица рассмотрела, как в текстах вводится тема «лжи», создается представление об обмане, с чем оно связано, и в каком контексте авторы и герои его интерпретируют. Были рассмотрены принципы обращения ко «лжи» в стихотворной и прозаической авторской сказке названного периода.

О. В. Астафьева (Санкт-Петербург) выступила с докладом «“Ну! Ну! Ну! Ну! Врешь! Врешь! Врешь! Врешь!“: ложь и лгуны в детской литературе». Со времен Просвещения детская литература, ставшая инструментом воспитания, предлагает юношеству истории о лгунах. Взрослый выступает в этих текстах в качестве непререкаемого и мудрого наставника, именно он помогает неопытному ребенку осознать как недостойность причин, порождающих ложь, так и ее пагубные последствия. Романтизм демонстрирует иную модель: дитя чисто и невинно, именно ребенок в романтической традиции оказывается в роли обличителя лжи, глубоко въевшейся в мир взрослых. Исследовательница проследила, как были реализованы эти традиционные версии в хрестоматийных текстах детской литературы, от Толстого до Зощенко и Драгунского, от Андерсена — до Родари и Шварца.

Седьмое заседание было обращено к средневековью. Доклад «Вальтер Мап и ложь рассказчика» Р. Л. Шмаракова (Санкт-Петербург) был посвящен новелле об Эвдоне, входящей в состав книги Вальтера Мапа «Забавы придворных» («De nugis curialium», 1180–1190). Демон рассказывает Эвдону историю о том, как один из его собратьев улаживал дела с монахом. Рассказывание поучительного случая делает демона отражением самого автора, который считает своей целью «писать истории («exempla») для потомков, чтобы возбуждать веселье или назидать нравы». При этом читатель/слушатель Мапа оказывается в положении Эвдона: он имеет дело с автором, который не обещает ему быть правдивым и чьи механизмы искажения реальности (включая и простое умолчание) ему предстоит понять самому. В метапоэтическом смысле новелла оказывается ироническим размышлением Мапа о рассказчике (= создателе вымыслов) как лжеце и родне вечно лгущих демонов.

Доклад О. А. Кузнецовой (Москва) «Змея и завиток: „разврат“ в русской книжности XVII века» касался соединения разных представлений о правде и лжи, искренности и неискренности, хитрости и простоты на страницах рукописных сборников XVII века. Благодаря смене парадигм — от средневековой к барочной, — названные оппозиции получили неоднозначное освещение. Новые интерпретации получил и образ змея: проделав путь от эмблемы мудрости и коварства к метафоре художественной изощрености, ловкости и красоты.

А. В. Архангельская (Москва) в докладе «Ложь и обман в русских стихотворных фацециях XVIII века» рассмотрела специфику и вариативность отношения ко лжи и обману, лжецам и обманщикам в текстах первой половины — середины XVIII века, восходящих к прозаическим переводам с польского, выполненным во второй половине XVII века. В стихотворных фацециях обнаруживаются примеры искреннего восхищения виртуозными обманами, утверждения правоты лжеца или обманщика, торжествующего над заведомым глупцом. Но одновременно можно увидеть и обратные случаи, когда ложь и лгуны становятся объектами насмешки и осуждения. Сложность и неоднозначность трактовки этих тем были рассмотрены в контексте общих закономерностей переходной эпохи в истории русской литературы.

На последнем заседании с сообщением «Свидетельство художника-дилетанта о „благонамеренной фальсификации“ Петра Барановского» выступила Е. В. Зименко (Москва). Докладчица рассказала о серии карандашных портретных зарисовок, сделанных во время объединенного заседания секций живописи и архитектуры Института искусствознания АН СССР 11 февраля 1947 года В. М. Зименко. Архитектор-реставратор П. Д. Барановский, имевший безупречную научную репутацию, предложил вниманию коллег сенсационное сообщение об обнаружении им могильной плиты иконописца Андрея Рублева в Спасо-Андрониковом монастыре в Москве. Коллеги не были введены в заблуждение докладом Барановского, а сами весьма активно соучаствовали в этом беспрецедентном научном обмане властей, полностью достигшем цели: 10 декабря 1947 года указом И. В. Сталина был создан «историко-архитектурный заповедник имени русского художника Андрея Рублева».

Завершающим выступлением на конференции стал доклад Т. П. Христолюбовой (Санкт-Петербург) «“Я сжульничал!“: Эзопов язык в творчестве К. С. Петрова-Водкина». Творчество художника пришлось на сложный и противоречивый период в развитии русского искусства и культуры. Многие люди из его окружения и друзья были вынуждены эмигрировать из страны или же оказались арестованы. Чтобы выжить, ему приходилось работать по государственным заказам. Не имея возможности говорить открыто, художник вкладывал в свои картины скрытое повествование, используя своеобразный «эзопов язык» в живописи. В докладе на примере анализа нескольких живописных работ К. С. Петрова-Водкина рассмотрены противоречия официальной трактовки самим художником сюжетов своих картин и их символического содержания.

По уже сложившейся на Апрельских конференциях традиции участники имели возможность пережить обсуждаемое на эстетическом материале не только во время докладов (аудио- и видео-презентации), но и в перерывах между заседаниями. Демонстрировались фрагменты фильмов: «Праздник святого Иоргена» (реж. Яков Протазанов, 1930), «Пиноккио» (реж. Луиджи Коменчини, 1972); фрагменты видео из комических опер В. А. Моцарта, Дж. Россини и Дж. Верди, связанные с мотивом обмана и переодевания.

В рамках конференции в выставочном зале Литературного музея проходила выставка: «Спектакль „Красный кабачок“ (1911)», на которой были показаны автографы Ю. Беляева, Вс. Мейерхольда, ноты М. Кузмина, эскизы А. Головина) из архива Рукописного отдела ИРЛИ и фондов Библиотеки Пушкинского Дома.

Конференция завершилась подведением итогов.

© ***С. В. Денисенко***